

Бренд Ленор был основан в начале двадцатого века во Франции.

В основу их философии лег принцип «абсолютной редкости и уникального искусства», поэтому большая часть их ювелирных изделий существует в единственном экземпляре или выпускается крайне ограниченными сериями.

В последние годы Ленор сосредоточил все свои основные усилия на расширении присутствия на азиатском рынке. Им требовалось создать имидж бренда высшего класса среди молодой и утонченной аудитории, поэтому они искали амбассадора, который бы безупречно соответствовал их эстетике.

Чэнь Линьфэн, разумеется, был подходящим кандидатом, однако теперь у них появился вариант куда более привлекательный.

- Линьфэн, «Ленор»... в одностороннем порядке расторгли соглашение. Причина - «серьезные изменения в стратегическом направлении бренда». Их юридический отдел свяжется с нами по поводу неустойки, но... решение принято окончательно.

В парижской комнате отдыха Чэнь Линьфэн замер, глядя на сверкающие огни ночного города за окном. Вспоминая содержание этого унижительного уведомления, он почувствовал, как онемели кончики его пальцев, а грудь тяжело и часто вздымалась.

Чан Фэй с ненавистью в голосе произнес:

- Нас использовали в качестве ступеньки. Теперь всё, что мы можем сделать, - это попытаться добиться максимально приличного заявления о прекращении сотрудничества... Что же касается госпожи Се...

Он тяжело вздохнул:

- Она сказала, что предоставит тебе лучшие ресурсы, так что не нужно...

Резкий звук захлопнувшейся двери оборвал его бессильные слова.

В конференц-зале компании Яоцзин воцарилась ледяная, гнетущая атмосфера.

Видя, как с официального сайта Ленор тихо и методично исчезают все рекламные материалы, связанные с Чэнь Линьфэном, Се Юйцяо побледнела от ярости. Ее пальцы с такой силой сжали смартфон, что казалось, будто она вот-вот продавит экран.

- Госпожа Се, отдел по связям с общественностью уже подготовил экстренное заявление, - дрожащим голосом доложила помощница. - Мы подчеркнули, что «стороны по обоюдному согласию прекратили сотрудничество, поскольку Линьфэн решил сосредоточиться на съемках в новом сериале», но...

- Бах! - громкий звук удара по столу заставил помощницу мгновенно замолчать.

Се Юйцяо медленно, с холодком усмехнулась:

- Чу Хуан, раз уж ты решила играть настолько жестко, не вини меня за ответные меры.

А для Ши Цзяня всё это уже не имело абсолютно никакого значения.

Когда после завершения серии снимков Сюй Ван произнес заветные слова «работы нет», Ши Цзянь на мгновение решил, что у него начались слуховые галлюцинации.

Он замер, и его взгляд затуманился, застыв на лице Сюй Вана. Он не сразу смог осознать то огромное, непривычное чувство облегчения, которое принесли эти простые слова.

Сюй Ван с мягкой улыбкой повторил:

- В Редженс Медиа действительно сообщили, что на ближайшую неделю новых съемок не планируется. Вы можете как следует отдохнуть.

В комнате воцарилась короткая тишина.

Ши Цзянь медленно откинулся на спинку дивана и, словно сбросив с плеч непосильный груз, закрыл глаза.

В последнее время его постоянно подталкивали вперед, не давая передохнуть. Каждый раз, приходя в себя, он видел лишь ослепительные, чужие прожекторы, а в ушах неизменно звучали споры и чужие сомнения.

Но теперь, когда слово «отдых» наконец стало реальностью, он вдруг ощутил странную осторожность, словно боялся, что стоит ему сделать чуть более глубокий вдох, как эта короткая и редкая передышка мгновенно развеется.

Ши Цзянь слегка приоткрыл глаза, глядя на чистое синее небо за окном, и выражение его лица наконец смягчилось.

Он наконец-то получил долгожданное время, принадлежащее только ему самому.

Он с трудом выдохнул, словно человек, который только что чудом спасся от неминуемой смерти.

Ночь в резиденции Чжоуинь была удивительно тихой.

В тот самый момент, когда машина подъехала к подножию горы и окно приоткрылось, в салон ворвался свежий горный ветер. Ши Цзянь почувствовал, будто обрел здесь новую жизнь, и его изнуренное тело словно вновь наполнилось силой.

В те периоды, когда его постоянно толкали и тянули, не позволяя даже на миг остановиться, разумеется Ши Цзянь чаще всего пребывал в состоянии оцепенения.

Возможно, на каких-то мероприятиях он и слышал, как толпы людей выкрикивали его имя, но Ши Цзянь не мог спокойно оглядеться и ответить каждому из них.

Подобные слова не должны были звучать из уст «кинозвезды», но неожиданная слава и богатство, полученные благодаря съемкам всего в одном фильме, вызывали у Ши Цзяня лишь глухое отторжение.

Включая аплодисменты и всеобщее восхищение – абсолютно всё это.

Ши Цзянь не считал, что в нем есть хоть что-то, что было бы действительно достойно преклонения. В своих бесконечных недоумениях он слышал эти звуки, но они не пробуждали в нем чувства гордости и не помогали осознать собственную «самоценность» от того, что его кто-то любит.

Когда в устах бесчисленных журналистов и ведущих звучали эпитеты «лучший» или «топовый», которыми они так щедро упаковывали имя Ши Цзяня, тот в задумчивости размышлял о том, что, кажется, начинает понимать, откуда у Чу Юня взялась такая глубокая ненависть к «великим артистам и кинозвездам».

Это действительно... было трудно полюбить.

Избыток внимания и любви не приносил Ши Цзяню никакого комфорта, лишь вызывал гнетущее чувство вины, с которым он совершенно не знал, что делать.

В конце концов, он прекрасно понимал, насколько сложно на самом деле – искренне любить кого-то.

Он не мог ответить взаимностью стольким людям, которые его любили, и эта невозможность тревожила его, словно его самого заталкивали в какой-то персональный ад.

Он просто того не стоил.

Ши Цзянь снимался в кино вовсе не ради карьеры.

Он просто, подобно тому как ухаживают за цветами, обретал невыразимую свободу в вымышленной истории, в образе вымышленного персонажа и в репликах, которые должен был произносить.

Эта мысль была крайне безответственной, но именно она жила в его душе.

Всё, что требовалось от него помимо этого, или всё, что он получал взамен, лишь приносило беспокойство и тревогу.

Свобода, которую он ощутил, вернувшись в резиденцию Чжоуинь, была тем самым облегчением, которое Ши Цзянь не мог объяснить никому.

Он знал, что здесь сейчас никого нет, и ему не нужно думать о том, как «нести бремя чужой любви».

Здесь никто не любил его по-настоящему.

Выйдя из машины у ворот, он шаг за шагом ступал по земле, медленно направляясь к своему «дому».

Ши Цзянь был по-настоящему счастлив.

Оранжевая светилась мягким, приглушенным светом, отчего взгляд Ши Цзяня теплел при мысли о каждой цветке, растущем внутри.

Но прежде чем войти, он первым делом поднял голову, желая найти кого-то взглядом.

Разумеется, там никого не было.

Дворецкий Чжоу вышел ему навстречу. Ши Цзянь извинился за то, что побеспокоил его в часы отдыха, и добавил, что боится потревожить остальных, особенно Чу Юня.

- Не нужно беспокоиться, - тихо сказал Ши Цзянь. - Я сам справлюсь.

Он стоял под душем, смывая накопившуюся усталость и чужие запахи, принесенные из внешнего мира, которые не принадлежали резиденции Чжоуинь.

Закрыв глаза, он представлял себе образ Чу Юня.

Он думал, что если сделает так, то Чу Юнь, возможно, не будет злиться из-за того, что от него исходит слишком много чужих запахов.

Ши Цзянь вышел из-под струй воды. Он действительно не знал, насколько еще может потерять свое достоинство, как и говорил когда-то Чу Юнь.

Он неторопливо вытер капли воды с тела и, сам того не заметив, погрузившись в свои мысли, оказался перед дверью спальни.

Его рука мягко легла на дверное полотно, а лоб невольно прижался к прохладному дереву. Невытертая вода с кончиков волос срывалась и с тихим стуком падала на пол.

Этот звук заставил его вздрогнуть, и он поспешно отступил на два шага назад.

Он спустился вниз.

Он не мог удержаться от жгучего желания войти, лечь на ту самую кровать, обнять Чу Юня или быть обнятым им, ожидая вместе наступления рассвета.

И в тот миг, когда он открывал глаза, он видел лишь неизменную, нежную улыбку Чу Юня.

По утрам, когда он просыпался, Чу Юнь выглядел как самый невинный ангел.

Он всегда улыбался и, еще не открыв глаз, забирался в объятия Ши Цзяня; его руки скользили по спине, пока они не сплетались в тесном, крепком объятии, словно Ши Цзянь был его единственным, незаменимым возлюбленным.

Словно.

Ши Цзяню это безумно нравилось, хотя он и понимал, что эта утренняя дымка нежности предназначалась кому-то другому.

Но он всё равно не мог не погрузиться в это с головой, не в силах вырваться наружу.

Возможно, именно это и означало полное отсутствие достоинства...

На самом деле, Ши Цзянь признавал это, но вовсе не считал чем-то плохим.

Одно другому не мешало.

Он признавал, что в глазах большинства – да и вообще всех, кроме него самого – подобное поведение было постыдным, но сердце Ши Цзяня так не считало.

Таков был способ Ши Цзяня жить и чувствовать.

Он с самого начала говорил, что его зона комфорта существенно отличается от того, что привычно большинству людей в этом мире. Все недостатки и изъяны, которые презирали другие, для Ши Цзяня не имели абсолютно никакого значения.

К любым недостаткам Чу Юня, которые так отчетливо видели окружающие, Ши Цзянь всегда оставался равнодушным, находя в них то, что другие не могли заметить – нечто истинно достойное восхищения.

Или, иными словами, в глазах Ши Цзяня это вовсе не были недостатки, а лишь особенности

характера, сформировавшегося под влиянием определенной среды.

Давным-давно, когда его мысли постоянно вращались вокруг Чу Юня, Ши Цзянь иногда чувствовал растерянность, но теперь он полностью и безоговорочно принял свою жизнь.

Жизнь, принадлежащую Чу Юню.

Он словно был рожден специально для Чу Юня, и только рядом с ним Ши Цзянь обретал свой истинный мир.

Чу Юнь и был целым миром для Ши Цзяня.

Стеклянная дверь с тихим шорохом открылась, и его ноги ступили на теплый пол с подогревом.

Это место стало для него второй зоной комфорта.

Растения были его единственными истинными друзьями.

В те дни, пока его не было, фаленопсис успел вырасти и расцвести. Он источал изящную, хрупкую красоту, безмолвно приветствуя возвращение своего хозяина.

Ши Цзянь улыбнулся, словно увидел того, кого очень долго ждал.

- Давно не виделись, - тихо произнес он.

Завтра он наконец увидит его.

Утро выдалось солнечным, и погода была на редкость благосклонной.

Все в резиденции давно не видели его в этот час, поэтому окружающие с улыбками и искренней радостью здоровались с ним.

- Доброе утро, господин!

- Доброе, - Ши Цзянь с мягкостью и теплотой отвечал каждому.

Эта контролируемая, вежливая доброжелательность и была истинной зоной комфорта Ши Цзяня.

Он только успел надеть перчатки, чтобы подрезать ветки, когда сработал интерком - дворецкий спрашивал, можно ли уже подавать завтрак.

- Подождем, пока проснется Чу Юнь, хорошо? - тихо спросил Ши Цзянь.

Ножницы в его руке случайно срезали лишнюю ветку, и Ши Цзянь вздрогнул от

неожиданности.

Чжоу Ян ответил:

- Молодой господин пока не вернулся.

Зрачки Ши Цзяня на мгновение расширились, и он перестал слышать окружающие звуки.

Он попытался вспомнить, сколько дней Чу Юнь не связывался с ним.

Внезапно пришло осознание: три дня.

В суматохе, совершенно теряя счет времени, он провел в этом тумане целых три дня. За всё это время Чу Юнь не искал его, не посылал Ли Чжисю или кого-либо еще с сообщением; не было ни привычных насмешек, ни едких упреков.

Ничего.

Он наклонился и поднял случайно срезанную ветку.

Ши Цзянь медленно пришел в себя и машинально коснулся собственного запястья.

Там было пусто - ни холодного блеска бриллиантов, ни привычного чувства скованности от тонкой цепочки.

Тот бриллиантовый браслет, так напоминающий собачий ошейник, до сих пор не был надет обратно.

Чжоу Ян уже подошел к оранжерее.

- Хорошо, я сейчас приду, - Ши Цзянь обернулся, улыбнулся ему и, подняв срезанную ветку, с сожалением добавил: - Случайно поранил его, сейчас всё исправлю.

Обед в полном одиночестве, чтение книги в тишине, отсутствие замечаний за его дурную привычку читать во время еды - именно в такие моменты Ши Цзянь мог наконец выдохнуть.

Так было раньше.

А теперь Ши Цзянь чувствовал себя крайне неудобно.

Его взгляд расфокусировался, и строчки, которые он пытался читать, начали расплываться перед глазами.

Это редкое время отдыха приносило радость лишь одну ночь, пока он тешил себя призрачной надеждой на скорую встречу.

Он с ужасом осознал, что в эти минуты отчаянно желал вновь погрузиться в мир Чу Юня.

Ведь даже в моменты невыносимого удушья, когда он страдал, отчужденность внешнего мира заставляла его бороться лишь за одно – чтобы вернуться в место своего заточения.

За те несколько секунд до того, как на другом конце ответили на звонок, Ши Цзянь отчетливо слышал бешеный стук собственного сердца.

- Господин, – Ли Чжися ответил быстро, и его голос звучал немного поспешно. – Что-то случилось?

Обычно Ши Цзянь не звонил никому первым.

Он прекрасно понимал свое положение и старался никого не беспокоить.

Поэтому его внезапный звонок встревожил Ли Чжисяю.

Напряжение в голосе помощника тут же вызвало у Ши Цзяня острое чувство вины.

Он крепче сжал телефон и, выдавив улыбку, произнес:

- Простите, помощник Ли, ничего страшного, я просто ошибся номером.

На том конце провода Ли Чжися внезапно замолчал.

Ши Цзянь опустил глаза, собираясь повесить трубку.

- Молодой господин временно уехал в Париж по делам, но сейчас он уже на пути обратно, – прикрыв микрофон рукой, поспешно прошептал Ли Чжися. – Не волнуйтесь.

Ши Цзянь сжал телефон в ладони и, опустив взгляд, тихо улыбнулся:

- Спасибо, помощник Ли.

Солнце светило ярко, и теперь у него наконец появилось время насладиться этим светом.

Он вернулся в оранжерею, чтобы утешить фаленопсис, который невольно повредил.

- Прости, – искренне извинился он, осторожно погладив голый срез ветки. Ему было не по себе, и он беспомощно добавил: – Можно ли в этом винить Чу Юня?

Фаленопсис молчал.

Ши Цзянь же слегка улыбнулся.

Жаловаться растениям, перекладывая ответственность на Чу Юня, – это создавало ощущение, что Чу Юнь и это место были неразрывно связаны.

Он также успокоил горшок с потосом, который успел привести в порядок:

- Он просто злится на меня, а не хотел обидеть тебя, так что прости его.

Ши Цзянь в этом прозрачном стеклянном доме был похож на пациента психиатрической клиники, полностью изолированного от мира, но он был абсолютно доволен.

До самой глубокой ночи.

В тот момент, когда дверь с грохотом распахнулась, он, заставивший себя погрузиться в книгу, чтобы не изводить себя ожиданием, вздрогнул.

- Кто разрешил тебе узнавать, где я?

Ши Цзянь машинально вскочил, но в следующее мгновение его грубо прижали к холодной стеклянной стене.

Чу Юнь крепко сжал его горло, его взгляд был темным и тяжелым. Он слегка наклонил голову, и они оказались так близко, что их дыхание смешалось.

- Соизволил наконец вернуться, кинозвезда?

Не успел он договорить, как последовал поцелуй – властный, не терпящий никаких возражений.

Вскоре вся резиденция была в беспорядке, повсюду остались следы их близости.

На диване валялась одежда, ковер был измят, неизвестно откуда взявшаяся вода намочила тяжелую ткань ручной работы – всё это выглядело порочно и удручающе.

Борьба за славу и богатство казалась теперь далекой и призрачной, быстро превращаясь в размытые фрагменты сценария из памяти, и только нынешнее желание и не сдерживаемые стоны возвращали его в реальность.

Ши Цзянь не был уверен, что когда-либо по-настоящему входил в тот шумный и роскошный мир; только Чу Юнь, висящий сейчас на нем, был единственной реальностью Ши Цзяня.

На следующее утро первые лучи солнца упали на бриллианты на его запястье. Холодный металл прижался к коже, вызывая странное чувство заточения и отражая острый свет, который приносил неожиданное спокойствие.

Этот свет заставил еще не проснувшегося человека нахмуриться, и шторы снова закрылись. Ши Цзянь перевел взгляд на спящего в его объятиях Чу Юня.

Конечно, все эти тревоги были лишь сном из его собственного сценария.

Его мир был очень мал, и только человек в его объятиях был настоящим.

В памяти Ши Цзяня всё еще жили обрывки тех мгновений, когда они когда-то обладали истинным счастьем.

В библиотеке в Швейцарии он стоял между рядами книжных полок, услышал, что кто-то идет, поднял голову и увидел, как солнце мягко падает на изящный профиль Чу Юня.

Должно быть, именно в тот миг он влюбился в Чу Юня с первого взгляда.

Это было легко, думал он.

Потому что Чу Юнь обладал красотой, которую было невозможно забыть.

- Простите, мы знакомы? - в замешательстве спросил тогда Ши Цзянь.

- Нет, - коротко ответил тот.

Этот невежливый молодой человек, казалось, вовсе не собирался извиняться за то, что так пристально разглядывал незнакомца. Он просто внезапно улыбнулся и еще более бесцеремонно схватил Ши Цзяня за руку.

- Но мы можем познакомиться.

Однако воспоминание не задержалось на этом слишком прекрасном моменте.

В какой-то миг Чу Юнь произнес другое, чужое имя.

Все иллюзии рухнули - острые и жестокие. Сердце Ши Цзяня было рассечено холодным тупым ножом, зубчатый край которого рвал плоть, и он не мог притвориться, что ничего не слышал.

А Чу Юнь стал совершенно холодным, тепло в его глазах исчезло без следа.

Он превратился в того, кого Ши Цзянь никогда раньше не видел: холодного, язвительного и жестокого - но только по отношению к сердцу Ши Цзяня.

Возможно, именно с того момента Ши Цзянь перестал понимать, что было реальностью, а что - тщательно сотканным сном.

Строчка, от которой его взгляд внезапно затуманился, снова стала ясной:

«Я всегда чувствую голод, мне так хочется получить любовь целиком, хотя бы раз, только раз, пока я не скажу: "Достаточно, я сыт, спасибо за угощение"».*

Его моменты счастья разрушались слишком легко.

Как и сейчас: экран телефона Чу Юня слегка засветился, остро прорезая тьму, а вместе с ней -

и ту хрупкую крупицу покоя, которую Ши Цзянь только что обрел.

<http://bllate.org/book/17941/1720620>